

Маслова В.А.
(Витебск, Беларусь)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ

Сейчас можно с уверенностью сказать, что язык является наиболее весомой, часто-самодовлеющей информацией о мире и человеке в нем.

О самой возможности изучать язык во взаимодействии с культурой писали В. Гумбольдт, А. Брюкнер, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, В.В. Иванов, В.Н. Топоров Н.И. Толстой, Е. Бартминьский и др., благодаря работам которых стало возможным принять следующий постулат: **Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.**

На основе этой идеи возникла новая наука – лингвокультурология. Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н. Телия, и работами В.В. Воробьева.

Лингвокультурология – это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Вместе с тем не следует акцентировать внимание на «стыковом» характере новой науки, ибо это не простое «сложение» возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить их новое видение и объяснение.

Поэтому лингвокультурология – это не временный союз лингвистики и культурологии, а **интердисциплинарная отрасль науки**, самостоятельная по своим целям, задачам, методам и объекту исследования. Ей еще предстоит доказать статус самостоятельной науки, для чего потребуются разработка фундаментальной теории высокой объяснительной силы. А это дело будущего.

Уже к сегодняшнему дню в лингвокультурологии оформилось несколько направлений:

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т. е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.

2. Диахроническая лингвокультурология, т. е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.

3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.

4. Сопоставительная лингвокультурология. Она только начинает развиваться. На сегодняшний день она представлена лишь несколькими работами, наиболее интересной из которых является работа М.К. Голованивской, в которой особенности французского менталитета изучаются с позиций носителя русского языка и культуры [1].

5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей (Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь. Под ред. Н.В. Чернова.– Смоленск, 1996.– 1185 с.; Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь.– М., 1999; Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык: Лингвострановедческий словарь.– М., 1998.– 393 с.; Муравлева Н.В. Австрия:

Лингвострановедческий словарь.– М., 1997.– 414 с.; Николау Н.Г. Греция. Лингвострановедческий словарь.– М., 1995.– 288 с. и др.).

6. Лингвокультурный анализ художественного текста.

Именно последнее, шестое, направление представляет для нас особый интерес. Задача нашей статьи – продемонстрировать на примере конкретного стихотворения М.Цветаевой лингвокультурологический подход к поэзии. Филологические дисциплины предполагают культуроведческий аспект как неременный органический компонент. И это не просто культурно-исторический комментарий или традиционное лингвострановедение, а глубокий анализ языковых единиц как условия культуры, ибо именно с помощью языка индивид обретает культуру своей социальной группы. Таким образом, язык является условием, основой и продуктом культуры. Истинным хранителем культуры являются тексты, и прежде всего художественные.

В докладе обсуждается следующая гипотеза. Культура, как справедливо утверждает Ю.М. Лотман, есть механизм коллективного сознания, коллективной памяти. Следовательно, чтобы текст вошел в культуру, его должен присвоить социум. Основным способом такого присвоения служит многократная его интерпретация. Приобщение индивида к культуре – это присвоение «чужих» текстов. Культура жива до тех пор, пока ее тексты взаимодействуют друг с другом, перемещаясь в коллективной памяти с центра на периферию и наоборот.

Еще акад. В.В. Виноградов обосновал необходимость науки о языке художественной литературы как комплексной культурологической дисциплины. В русской традиции (Д.С. Лихачев, Р.Р. Гельгардт) считалось неправомерным резкое размежевание между лингвистикой, культурологией и литературоведением. Этот подход исключительно продуктивен и сейчас. Доказательство тому – наша книга: «Филологический анализ поэтического текста» [2], «Филологический анализ художественного текста» [3], где слиты воедино лингвистический, литературоведческий и культурологический анализ, где через языковую ткань постигается культурный слой, в котором создан особый, созвучный времени автора мир.

Художественный текст функционирует в культуре в трех ипостасях: как носитель и источник информации о мире, представленной сквозь призму национальной культуры (текст – сгусток национальной культуры); как носитель эстетической информации (текст – произведение искусства, т.е. явление национальной культуры); как источник собственно языковой информации (текст – материал для исследования поведения языковых единиц, т.е. форма фиксации национальной культуры). Таким образом, и создание, и восприятие художественного текста – это эстетическая национально-культурная деятельность. Знание культуры народа, один из представителей которого создал данный художественный текст, абсолютно необходимо, ибо влияет на уровень восприятия и понимания текста читателем. Вот как это происходит.

Концептуальные системы и автора, и читателя формируются под влиянием совокупности текстов, воздействию которых они подвергаются в процессе жизни и обучения. Текст здесь понимается широко, с точки зрения семиотической, а совокупность таких текстов – это и есть культура. Но поскольку практически автор и читатель подвергаются влиянию различных текстов, то концептуальные системы их

могут совпадать в большей или меньшей степени. Чем более совпадают их концептуальные системы, а соответственно, чем больше совпадение их культурной компетенции, тем адекватнее авторскому будет восприятие конкретного художественного текста. Полного совпадения концептуальных систем в силу их уникальности быть не может, а следовательно, невозможно понимание художественного текста, тождественное авторскому содержанию. Но можно несколько приблизить его к авторскому пониманию, увеличив количество одних и тех же текстов культуры, которые будут действовать на автора и реципиента, либо путем дополнительной культурной интерпретации, и это более легкий путь.

Почему нас интересует именно поэзия? Потому что семантика поэтического текста – фрейм с пустыми узлами, которые каждый заполняет по-своему, хотя некий инвариант существует в культуре и он не может быть полностью размыт различными интерпретациями.

Стихотворение рождается как бы само по себе: автор – лишь рупор идей, витающих в мире, в культуре. Тексту как бы дела нет, какие идеи и чувства хотел в него вложить автор. Стихотворение использует их как почву, из которой она питается, а возникнув, порывает с ней. Но теперь оно вторгается и живет в контексте культуры, который поэтому особенно важен при его интерпретации. Он значим для восприятия произведений многих поэтов и писателей, в частности для Марины Цветаевой, которая как раз и является поэтом культуры. Чтобы дать интерпретацию одного из наиболее трагических стихотворений поэта («Выкрыла жилы: неостановимо...»), нужно учитывать, что происходило в этот период в русской культуре. В эти годы Д. Шостакович писал: «В советском искусстве смерть как тема не существовала. Писать о смерти – это было все равно что сморкаться в рукав в приличном обществе» [4, с. 275]. А М. Цветаева писала, более того, некоторые исследователи считают, что все ее творчество посвящено этой теме, хотя отношение к смерти у нее менялось: если у ранней Цветаевой можно заметить кокетство со смертью, то у поздней – смерть всерьез.

Выкрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской
Через край – и мимо –
В землю черную питать тростник.
Невозможно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

Это стихотворение было написано М. Цветаевой в 1934 году в эмиграции, через 12 лет после ее начала и за пять лет до возвращения на родную землю. Именно в это время пришло понимание того, что живет и пишет она «не для здесь, а для там – языком равных». Подобное признание далось Цветаевой тяжело, принесла с собой чувство безнадежного одиночества, которое вылилось в строки, не случайно родившиеся 6 января, в канун самого светлого, почитаемого, признаваемого всеми православными праздника – Рождества Христова. Истари он символизировал единение христиан перед радостной, благой вестью о рождении Иисуса и связываемое с этим

событием духовное очищение и начало новой жизни. В стихотворении передано отчаяние от отсутствия сопричастности к данным событиям, от одиночества и затравленности.

Сильная позиция в стихотворении (первая и последняя фразы) – «хлещет»: именно это слово со своим повтором в 1-ой и последней фразе оформляет кольцевую композицию, придает завершенность мысли.

Фонетическое оформление – сочетание звуков ХЛ и Щ – как бы «подстегивает», ускоряет действие, создает эффект повышенной динамики. Одновременно с этим «шипящий» характер этих звуков создает звуковую дисгармонию, что ведет к появлению отрицательной коннотации данного слова, которая поддерживается звуковым оформлением предшествующих и последующих строк: дисгармоничны, резки, жестки сочетания звуков ВСКР, СТ, ДСТ, ЗВР. Так, частотное здесь сочетание СТ ассоциируется с приглушенным стуком капель по твердой поверхности.

В первом случае слово «хлещет» сопровождается словом «жизнь», где чередуются твердый звук Ж и мягкое сочетание З'Н', во втором случае наблюдается обратное – мягкое сочетание С'Т' и твердый Х. Это обстоятельство позволяет говорить о наличии смысловой скрытой антитезы первой и последней фразы. Кроме того, на фонетическом уровне заметна реализация смысловой градации в построении ряда однородных членов *неостановимо, невосстановимо*: к сочетанию СТ прирачивается еще одно С. Таким образом, наблюдая эту закономерность, можно установить характер протекания действия: от капли *неоСТановимо* через несколько более сильный ток *невоССТановимо* до потока *хлещет*.

С помощью рифмы сближаются слова *неостановимо* и *мимо*. *Неостановимо*, как и *невосстановимо*, повторяется дважды, обрамляя слово *мимо*, которое ритмически и графически обособлено, так что создается впечатление движения струи жидкости: снизу (*неостановимо*) – пик (*мимо*) – и в землю, т.е. снова вниз (*неостановимо*). Это движение подкреплено графически и интонационно постановкой гире. Второе *неостановимо* – начало нового движения, но уже стиха.

Стихотворение написано пятистопным стихом, где парные и одиночные хорические стопы чередуются с парными и одиночными ширрихиями. 3-я, 4-ая и 5-я строки объединены тройной рифмой; 1-я – 6-ая, 7-ая – 9-ая, 6-ая – 8-ая – перекрестной. Следовательно, в стихотворении выдержано однообразие в ритмической организации стиха, что создает эффект движения, пульсации.

В стихотворении на 26 словоупотреблений 21 слово, из них – 7 существительных, 5 глаголов, 3 прилагательных, 3 наречия, 1 местоимение. Единственное местоимение *всякая* определяет обобщенность объекта, который замещает, а также подчеркивает тщетность усилий. Слово задает грустно-трагическое и радостное настроение одновременно: радость от осознания того, что жизнь, несмотря на все трудности, полнокровна и не может втиснуться в рамки-органичители; грусть и трагизм по поводу того, что все это энергетическое богатство и богатство духа не доходит до людей, тратится понапрасну.

Синтаксис первого и последнего предложения подчеркивает и уточняет смысл скрытой антитезы, закодированной в звуко-буквенных сочетаниях. Обогащенная пережитым опытом, жизнь не может больше пульсировать в тесных рамках. Это

обстоятельство стало причиной избавления от границ ради пространства. Метафора *хлещет жизнь*, таким образом, приобретает некую положительную коннотацию, которая усиливается последующей восклицательной фразой. Эпитеты *мелкой* и *плоской* в условиях контекста можно считать градационными синонимами с общим значением «то измерение, которое не подходит для многогранной и полнокровной жизни». Метафора *хлещет жизнь* основана на скрытом сравнении жизни и крови по признаку наполненности и пульсации. В условиях контекста слово *черный* приобретает символическое значение «глубины», «полноты», «необходимости», «ценности».

Путь жизни, запертой в рамки, но вырывающейся вовне, повторяет стих, такой же полнокровный. Однако, несмотря на интонационную завершенность последней фразы, остается нерешенным и невыясненным один вопрос: куда попадает стихотворение – в цель или мимо, перельется через край? Что для него есть цель – через край и мимо или куда-то в конкретную цель?

В последней фразе Марина Цветаева не рисует синтаксически движение стиха, тем самым подчеркивая только стадию «через край». Но здесь заложена надежда на то, что от стихотворения, как от жизни, вновь будет польза, и стихи снова обретут цель, достигнув объекта назначения.

Итак, крупный национальный поэт, будучи носителем прежде всего национальной культуры, требует определенного лингвокультурного комментария, помогающего установить смысл текста. И такой путь нам видится как правильный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка... М., 1997.
2. Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста.– Минск, 1999.
3. Маслова В.А. Филологический анализ художественного текста.– Минск, 2000.
4. Цит. по: Мария-Луиза Ботт, Музыкальный образ художника и его времени // А.С. Пушкин – М.И. Цветаева. Седьмая цветаяевская международная конференция. Сборник докладов.– М., 2000.– С. 275.

Поступило в редакцию 13.03.2002 г.

Пузанко Л.В.

(Симферополь, Украина)

АСЕМАНТИЧНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Согласно В. фон Гумбольдту, представления человека о мире зависят от того языка, которым он пользуется. До конца 80-х годов XX столетия в русском языке «работало» понятие «асемантичности», которое отрицало какое-либо содержание у группы языковых единиц. Слова делились на «носителей» объективной информации о действительном мире и на грамматикализованные единицы, то есть эксплицитно